

УДК 328.3

EDN: GNDBYO

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120242539>

ПРИОСТАНОВКА ДОГОВОРА СНВ-3 В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СДЕРЖИВАНИЯ

Дмитрий Борисович Графов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
e-mail: graftvc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7334-5398

Ссылка для цитирования: Графов Д. Б. Приостановка договора СНВ-3 в контексте теории сдерживания // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №1. С. 25–39. DOI: 10.15211/vestnikieran120242539

***Аннотация.** После начала специальной военной операции (СВО) РФ на Украине и приостановки участия РФ в Договоре СНВ-3 (СНВ-2010)¹ кризис в отношениях России с США и ЕС углубился настолько, что стратегическое сдерживание не может рассматриваться отдельно от стремления Запада нанести руками Украины поражение России посредством поставок оружия и другой военной помощи. В статье анализируются меры, принятые РФ, как сигналы Вашингтону и Брюсселю с точки зрения теории сдерживания, а также возможности создания асимметричных преимуществ (АП) для РФ с позиций наступательного/оборонительного реализма и «переговорной модели войны». АП рассматривается автором в первую очередь как информация, получаемая противником и выполняющая функцию «сигнального» давления (предупреждения). Выдвигается гипотеза о влиянии АП на изменение политики противоположной стороны через восприятие меньшей безопасности, что приводит к необходимости договариваться о новом статус-кво с учётом изменившегося баланса сил. Исследование позволяет оценить возможности РФ для защиты национальных интересов, в том числе при подготовке нового договора по СНВ. В теоретической плоскости работа представляет собой комплексное рассмотрение асимметричных преимуществ в «переговорной модели войны». В практическом плане она может быть полезна при выработке дипломатических и военно-политических мер с целью убедить США и НАТО в том, что создание АП в широком диапазоне – от «неудобств» и угроз интересам до изменений в архитектуре стратегической стабильности – не является блефом.*

Ключевые слова: ДСНВ-3, сдерживание, сигнальная функция, асимметричное преимущество, наступательный реализм, оборонительный реализм, переговорная модель войны.

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023.

© Графов Д. Б. – к.полит.н., с.н.с. Института востоковедения РАН.

¹ Заключённый в 2010 г. договор официально носит название «О мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений» (ДСНВ, англ. – *New START* или *NSTART*).

SUSPENSION OF START III IN CONTEXT OF THE DETERRENCE THEORY

Dmitry B. Grafov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: graftvc@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7334-5398

To cite this article: Grafov, D. B. (2024). Suspension of start III in context of the deterrence theory. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 37(1): 25–39. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran120242539

Abstract. *The article examines the prospects for changing the security balance after Russia's suspension of the START Treaty. The author analyzes the possibilities of creating asymmetric advantages for Russia from the positions of offensive and defensive realism, the theory of deterrence and the bargaining model of war in order to change the hostile position of the United States. Obviously, strategic stability cannot be maintained without taking into account the confrontation between Russia and the United States over Ukraine and the desire to defeat Russia at the hands of Ukraine. Following the theory of deterrence, Russia can create a number of asymmetric advantages (defensive and offensive) that can pose a threat to US interests and change the architecture of strategic stability. Asymmetric advantages are seen as preparation for actions sensitive to the US security – as information, warning signal, that exerts pressure. The hypothesis is put forward about the effect of an asymmetric advantage on a change the policy of the opposite side, if the perception of the future benefits of continuing the policy is less than the perception of future losses. The opposite side can change its policy if the threat of the deterrent side leaves no doubt. The threat can achieve its goal if all parties (NATO members, third parties) draw conclusions from its reality. The reaction of third parties is of great importance for Russia and the United States. Asymmetric measures, that create a threat, are a sequence of actions, not verbal threats that are not supported by information about actual preparations. It is important for Russia to convince the United States that all asymmetric measures are only counterbalance of American policy.*

Key words: *New START Treaty, deterrence, security balance, signal function, asymmetric advantage, offensive realism, defensive realism, bargaining model of war.*

Article received: 11.12.2023.

До начала СВО на Украине российско-американское сдерживание можно было описать как более-менее статичное равновесие стратегических ядерных арсеналов, средств доставки и условий базирования, закреплённых в Договоре СНВ-3 (ДСНВ-2010 или *New START*). Спустя год происходившего на Украине, поддерживаемой блоком НАТО, отношения между РФ и Западом изменились настолько, что прежняя статичная архитектура стратегической стабильности перестала соответствовать понятию сдерживания США с точки зрения интересов РФ. Россия приостановила участие в Договоре ДСНВ-2010 после заявления президента В. В. Путина о нескрываемом желании США добиться стратегического поражения России на Украине, отклонении американской стороной российских инспекционных заявок по Договору (Подписан закон ... 2023). Российское руководство также заявило о необходимости учитывать в новой реальности ядерные арсеналы других членов НАТО – Великобритании и Франции (Послание Президента ... 2023). К новой реальности относится и курс США и ЕС на под-

держку Украины системами вооружений, способными достигать целей в глубине территории РФ, т.е. способными повлиять на стратегическую стабильность. Невозможно не принимать во внимание, что и удары по аэродромам, где базируются стратегические бомбардировщики РФ, были проведены ВСУ с помощью разведанных, переданных США и НАТО.

Аналитические центры США расценивают заявление РФ как юридическое основание для прекращения американских инспекций с возможной целью увеличения потенциала стратегических ядерных сил России (СЯС)¹. Ещё более важен для Вашингтона вопрос, продолжит ли Россия направлять уведомления о перемещении своих стратегических носителей из мест базирования. В американской экспертной среде делается вывод: российское руководство больше не считает, что соблюдение паритета с США в СЯС должно быть вечным, неприкосновенным и рассматриваться вне связи с текущими взлётами и падениями двусторонних отношений².

Подобные опасения укрепило заявление российского руководства о размещении тактического ядерного оружия на территории Белоруссии. После 1991 г. определённая часть американского тактического ядерного оружия осталась на территории союзников в Европе. По сути, США сохранили прежнюю стратегию непрямой ответственности (или распределённой ответственности): использование ядерного оружия с баз европейцев уменьшает вероятность ответного удара по территории США. Это давало американскому руководству возможность широкого манёвра между двумя нарративами: ядерная война никогда не должна быть развязана, но ядерное сдерживание остаётся инструментом политики Вашингтона.

Роль асимметричного преимущества

Сам итог гонки вооружений, истощившей СССР, стал возможен благодаря экономическому и технологическому асимметричному преимуществу США, их технологическому и экономическому превосходству. Асимметричность ещё на раннем этапе приобрели и ядерные триады США и СССР.

В ДСНВ-2010 особенное значение придаётся проверке соблюдения ограничений. При внешней сбалансированности интересов российской и американской сторон в условиях успешного развития и наращивания американской ПРО строгость контрольных процедур ДСНВ-2010 давала асимметричное преимущество США. Другим таким преимуществом является переоборудование шахтно-пусковых установок баллистических ракет американских атомных подводных лодок (а не списание самих АПЛ) для запуска крылатых ракет. Их конвертация может быть и обратной. У России таких возможностей меньше. Но основное преимущество Соединённых Штатов в сохранении «возвратного потенциала» по носителям и зарядам. В случае обострения отношений их 1 550 боезарядов, ограничиваемые договором, в течение полугода могут превратиться в 4000 (Россия и США ... 2023).

Никакие новые договорённости о контроле стратегических наступательных вооружений не могут рассматриваться вне конфронтации РФ с Западом из-за Украины. В заявлении МИД РФ говорится об изменившемся ландшафте безопасности и о необходимости учитывать новые угрозы в вопросе стратегической стабильности (Заявление МИД России ... 2023). Напри-

¹ По мнению руководителей Агентства «Инициатива ядерной угрозы» (*The Nuclear Threat Initiative – NTI*), основанного бывшим сенатором С. Наном, через три года, когда договор истечёт, может начаться новая гонка вооружений (*What happens now ... 2023*).

² В руководстве американского Центра исследований проблем нераспространения им. Д. Мартина (*The James Martin Center for Nonproliferation Studies*) возможный отказ Москвы от предоставления данных и уведомлений считают даже большей проблемой, чем запрет американских инспекций, т.к. это значительно затруднит проверку соблюдения Россией условий ДСНВ-2010 (*What happens now ... 2023*).

мер, заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд недвусмысленно заявила, что «конец в игре должен наступить после стратегического поражения России на Украине» (U.S. Under Secretary ... 2022).

У России есть все основания настаивать на суммировании СЯС Великобритании, Франции и США. В Стратегической концепции НАТО (ст. 29) использовано такое понятие, как единые «стратегические ядерные силы Североатлантического союза» и «силы ядерного сдерживания НАТО»¹. Очевидно, что с такой опорой на ядерные силы союзников США могут болезненно предлагать РФ взаимное сокращение стратегических сил, оставаясь в выигрыше. Хотя между ядерными силами членов НАТО есть единая система связи, они не подчиняются напрямую Объединённому стратегическому командованию ВС США, но планирование операций ядерных сил стран – членов блока осуществляет комитет ядерного планирования стран НАТО во главе с США.

Наиболее важная черта текущей конфронтации стран НАТО с Россией – игнорирование (возможно, и внешне демонстративное) ядерного потенциала РФ. В практической и в теоретической плоскости возникают вопросы: всегда ли наличие ядерного оружия сдерживает противника и какие действия могут привести к его эффективному сдерживанию?

Из статьи бывшего заместителя председателя Объединённого комитета начальников штабов, также занимавшего должность руководителя Стратегического командования США, Д. Картрайта в соавторстве с В. Дворкиным ясно следует, что США опасаются старой дилеммы: использовать ядерные силы первыми или их потерять. Возвращается выбор из трёх вариантов: обезоруживающий удар, ответно-встречный удар после предупреждения о пуске ракет противника или ответный удар по факту ядерного нападения (Cartwright, Dvorkin 2015). Поэтому в Вашингтоне хотели бы постоянного контакта, чтобы исключить для себя неожиданный поворот событий – «иррациональные» решения Москвы. Дозирование американской помощи Киеву и/или её оказание через других членов НАТО проистекают из опасений Вашингтона возможности «неоправданной», избыточной реакции Москвы на сам факт предоставления этой помощи. Данная статья по своей логике совпадает и с выводами американского военного теоретика Б. Броди, считавшего полезным договориться с СССР об отказе от первого удара. Если такой договорённости нет, то одна сторона может вступить в военные действия, ошибочно полагая, что конфликт останется безъядерным. Такое «неправильное» ядерное сдерживание не работает и становится опасным (Brodie 1959).

Сдерживание состоит не только в наличии соответствующего потенциала, а ещё и в предъявлении противнику убедительных свидетельств, заставляющих поверить в то, что реакция другой стороны будет определяться его поведением. Именно «убедительные свидетельства» обратной положительной связи развития конфликта отличают сдерживание от декларирования «красных линий».

Сдерживание и «переговорная модель войны»

Рассматривая угрозы, создаваемые асимметричными наступательными и оборонительными преимуществами, следует сделать важную оговорку. Угроза основывается, с одной стороны, на военно-технических и политических шагах противника (т.е. фактах), а с другой – на восприятии информации об этих фактах военно-политическим руководством противоположной стороны.

¹ Указано, что «СЯС НАТО, особенно США, являются высшей гарантией безопасности стран НАТО. Независимые стратегические ядерные силы Соединённого Королевства и Франции играют собственную роль в сдерживании и вносят существенный вклад в общую безопасность Североатлантического союза. Отдельные центры принятия решений этих стран НАТО вносят вклад в сдерживание, усложняя расчёты потенциальных противников».

Главный принцип сдерживания был сформулирован Д. Кеннаном ещё в 1946 г. и остаётся актуальным сегодня: сдерживать можно противника, действующего рационально, который изменит позицию, если вероятные убытки будут превышать ожидаемые выгоды (Kahn 1965). Через 15 лет после первого применения атомной бомбы Г. Киссинджер высказал мысль, что любая конвенциональная война между ядерными противниками в случае затягивания, скорее всего, перерастёт в ядерный конфликт. Перед угрозой поражения конвенциональными средствами проигрывающая сторона ответит ядерными (Kissinger 1960). Это положение, спустя десятилетия разрядки напряжённости и сокращения ЯО, подвергается сомнению военно-политическим руководством ряда западных стран.

Вовлечение стран НАТО в российско-украинский конфликт через поставки оружия Киеву показывает, что в реальную, а не декларируемую готовность РФ в определённый момент перейти к ядерному сдерживанию верят не все. По мнению А. Г. Арбатова, сдерживание происходит в головах руководителей государств, являющихся «адресатом» сдерживания. И если они неправильно понимают, на какие их действия может последовать ядерный ответ, то сдерживание не сработает (Арбатов 2021: 89). Так, военная доктрина РФ предусматривает использование ЯО «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» (Военная доктрина ...) (Указ Президента РФ ... 2020). Такая ёмкая формулировка, как «угроза существованию» создаёт неопределённость, диапазон ситуаций ядерного порога. Но неопределённость оказывает и сдерживающее действие при наличии различных объективных «сигналов» о связи между действиями (фактами) и намерениями.

«Сигнальная функция» ЯО давно рассматривалась в качестве «стоп-крана» эскалации конфликта (Braspen 2012: 87). Однако часть «сигнальной» теории в ядерном сдерживании справедлива и для предупреждения противника, обладающего конвенциональным оружием, или на конвенциональной стадии конфликта. В качестве «сигнального» предупреждения может выступать не ядерный удар как средство военного поражения, а ряд политических, дипломатических и военно-технических мер¹.

В настоящих условиях отзыв со стороны РФ ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), является сигналом о готовности к дальнейшим шагам в изменении подходов к национальной безопасности. Каким именно – намеренная недосказанность, сдерживающая неопределённость.

«Сигнальную функцию» в первую очередь выполняет информация. Например, если демонстрация в форме «учений по поражению ядерными средствами» делается в момент эскалации конфликта, тогда рациональный противник должен задуматься о деэскалации. Теория исходит из идеального рационального алгоритма², который должен изменить представление противника о выгодах и издержках начала войны или её эскалации. Разрешение конфликта с точки зрения выгод и издержек сторон рассматривается теорией «переговорной модели войны» как торг (очный или заочный, формальный или неформальный) с позиции силы (Fearon 1995).

Информация о решимости, помноженной на военный (экономический, геополитиче-

¹ Крайним средством в длинной цепочке сигнальных мер может быть и ядерный «предупредительный выстрел в воздух», но он не должен напоминать удар с целью поражения, не должен быть массированным, направленным на места базирования СЯС. «Сигнальным» его делают единичность, маломощность, он происходит вблизи границ, но в необитаемой среде (воздушной или морской). Критерии «сигнального» удара в ядерном сдерживании подробно изложены В. И. Левшиным, А. В. Неделиным и М. Е. Сосновским. Они в целом справедливы и для управления эскалацией в конфликте с противником, не имеющим ЯО (Левшин, Неделин, Сосновский 1999).

² Хотя рациональный алгоритм может не соответствовать причинно-следственным связям и мотивам в головах тех, кто принимает военно-политические решения на стороне противника.

ский) потенциал, т.е. запугивание, снижает возможность объективной оценки противоположной стороной и может ускорить решение в пользу отказа от конфликта. В первую очередь на это влияют: оценка военного потенциала и ущерба ему (как собственного, так и противника); недооценка или переоценка данных разведки; разногласия среди принимающих решение на стороне противника, в основе которых может лежать и разный расчёт, и опасения (страх) неправильной оценки противником изменения позиции (например, переговоров как слабости).

Сдерживание является убеждением противника в катастрофически невыгодном соотношении для него издержек и преимуществ от начала войны. «Переговорная модель войны» исходит из того, что именно на эту оценку последствий и может влиять противоположная сторона. Определённые соображения (например, идеологические или религиозные) могут приводить к иррациональным решениям. Цель стороны А убедить противоположную сторону Б в трёх вещах.

1. В случае силового сценария соотношение потерь и выгод для стороны Б будет неблагоприятным.

2. Ошибочная оценка стороной Б потерь и выгод противника. Сторона А сильнее, чем думает Б, эффективнее, экономика мощнее, ресурсы больше, сторона А опирается на союзников. Предполагаемое Б соотношение потерь и выгод противника не является неприемлемым для А. Противник готов к эскалации и войне.

3. Соотношение выгод и ущерба для стороны Б в случае переговоров или уступок стороне А может быть приемлемо и выгоднее того, которое с большей вероятностью реализуется при силовом сценарии.

Угроза складывается из потенциальной возможности и вероятности её реализации, определяемой рисками и способностью брать на себя ответственность. Угрозы формируются в том числе информационными интервенциями, к которым можно отнести и заявления представителей военно-политического руководства. Стоит вспомнить акцент британских СМИ на словах министра иностранных дел Великобритании Лиз Трасс, что на посту премьер-министра она, не задумываясь, отдаст приказ о ядерном ударе в случае необходимости (Liz Truss says ... 2022). К «сигнальному» давлению можно отнести и заявления советского руководства о готовности использовать ядерное оружие в период Суэцкого кризиса, повлиявшие на его окончание (Gaddis 2005: 70). Угрозы ядерным оружием позволили советскому лидеру Н. С. Хрущёву отчасти добиться своих целей в Карибском кризисе, хотя риск неуправляемой эскалации был велик.

Противник принимает решение на основе информации, которая выглядит реалистичной или воспринимается как блеф. Реалистичность порождается последовательностью политических решений: когда за ними угадывается «реализация плана», тогда эта информация оказывает давление в длительной перспективе. Если декларируется выход из моратория на испытания, то далее должны следовать приготовления к ним. Если их место переносится с полигона, например, в море (даже координаты имеют значение) и они совмещаются с испытанием на носителе, то это будет «говорить» об ином качестве, новой стратегии, изменении в подходах, таким образом придавая реалистичность происходящему.

На важность фактов, а не вербальных угроз, указывал ещё Т. Шеллинг: «... поступок может раскрыть систему ценностей игрока или выбор имеющихся в его распоряжении действий. Поступки могут обязать его к некоторым действиям, в то время как речь на это зачастую не способна» (Шеллинг 2007: 131).

К «сигнальным» действиям относится в том числе демонстрация готовности населения к ядерной эскалации. Одно дело, когда на экранах чёрно-белые кадры хроники с ядерным

грибом. Совершенно другое дело, если впервые в истории журналистов приглашают в ядерный арсенал, откуда при объявлении повышенной боеготовности ядерные боеголовки отправляются для установки на крылатые ракеты. А в парламенте, например, обсуждается передача права принимать решение об использовании тактического ЯО на уровень военного руководства. «Красная линия» становится тактильной для противника.

К «сигнальным» действиям можно отнести и обсуждение пересмотра концепции национальной безопасности (других доктринальных документов), и внесение положений о «сигнальном» использовании ЯО. Эти рычаги «сигнального» давления можно объединить общим понятием «барабаны войны». «Бой барабанов» сообщает о готовности общества к эскалации. Это не мешает властям посылать стабилизирующий сигнал и «рассматривать ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой» (Об Основах ... 2020). Для сравнения: в документе Комитета начальников штабов США указывалось на применение ядерных вооружений в целях создания условий «для достижения решающих результатов и восстановления стратегической стабильности». «Контролируемая ядерная эскалация» может служить «достижению мира на более выгодных условиях» (Joint Publication 3-72 ... 2019).

«Сигнальное» использование силы должно быть доктринально обосновано. Попытка придания легитимности увеличивает восприятие реальности намерений. Правдоподобность угрозы подтверждает чёткое изложение «сигнальных» действий. В ядерной доктрине Франции присутствует принцип «последнего предупреждения». По словам президента Э. Макрона, если ядерное сдерживание не остановит противника, ему будет ровно один раз сделано ядерное предупреждение, «чтобы ясно показать, что суть конфликта изменилась» (Macron E. Speech ... 2020). «Сигнальную функцию» может выполнять высотный ядерный взрыв для повреждения излучением электронных систем и узлов связи (Tertrais 2020). Оказывает информационное давление и формирование неопределённости относительно сохранения Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и режима ядерного нераспространения.

В США давно начали заниматься доктринальным обоснованием использования силы с благой целью. Фундаментальной основой дипломатии принуждения, которая стремится заставить противника пересмотреть принимаемые решения, является принцип пропорциональности – разумного соотношения между поставленной целью и способом её достижения (Jentleson 2006).

Очевидно, что ядерная политика может и должна меняться при переходе от «холодного мира» к прокси-конфликту с использованием конвенциональных средств через третьих акторов. Если до начала эскалации разумно придерживаться миролюбивых деклараций, чтобы не допустить развития конфликта по спирали, то с началом противостояния целесообразно перейти к «сигнальным» предупреждениям. Пока РФ заявила о приостановке участия в ДСНВ-2010 и размещении тактического ЯО в Белоруссии. Последнее отчасти компенсирует асимметричное преимущество США в возможности нанести ядерный удар по РФ не с собственной территории.

Деэскалация агрессии «угрозой нанесения», или «непосредственно ударами ядерных средств поражения», обсуждалась в теории руководством ВС РФ ещё в 2003 г. Речь шла о дозированном применении отдельных компонентов стратегических сил сдерживания (Актуальные задачи ... 2003). Главное в нарративе «сигнального» предупреждения – именно «бой барабанов войны», предвещающих атаку, а не сама атака. В новой редакции концепции внешней политики РФ говорится об использовании силы не только для отражения, но и «для предотвращения вооружённого нападения на Россию и (или) её союзников» (Концепция ... 2023).

В данном случае угроза заявляется как потенциальная сила с возможностью её применения првентивным образом (отложенная угроза, угроза-предупреждение). А. Г. Арбатов замечает, что, при всей опасности «сигнальных» предупреждений в ядерном сдерживании, упоминая в различных документах о «демонстрации готовности и решимости применения силы с использованием нестратегического ядерного оружия» (Указ Президента РФ ... 2017), руководящие органы РФ не проработали механизм демонстрации «готовности и решимости» такого сдерживания (Арбатов 2021: 100).

В то же время отсутствие официальных предупредительных механизмов создаёт дополнительную неопределённость, давление и диапазон маневрирования. Хорошо известное заявление В.В. Путина о том, что наши враги в случае нападения попадут в ад, а мы – как мученики – в рай, говорит о готовности и решимости использовать ядерное оружие для возмездия при неопределённости (иррациональности с другой точки зрения) собственного алгоритма ядерного сдерживания (Putin says Russians ... 2018).

Наступательные и оборонительные асимметричные преимущества РФ

Реализация «наступательных» асимметричных мер, возможно, не позволит сохранить асимметричное преимущество в длительной перспективе. Американская сторона, скорее всего, прибегнет к зеркальным мерам, но ощущаемая угроза, оставаясь обоюдной, продемонстрирует уязвимость США. Одно из таких асимметричных решений – повышение защищённости СЯС. Работы в этом направлении имеют большой задел ещё с советских времён. Например, создание мобильных компактных пусковых комплексов МБР, нераспознаваемых в транспортно-инфраструктуре¹.

Военная операция РФ в Сирии и СВО на Украине свидетельствуют об эффективности крылатых ракет морского базирования («Калибр» ЗМ14), которые имеют дальность поражения около 2 тыс. км, а новая модификация «Калибр-М» – ещё больше (Источник ... 2019). Даже в конвенциональном оснащении увеличение числа таких высокоточных ракет может создавать асимметричное стратегическое преимущество при размещении на подводных носителях вдоль протяжённого побережья США. Для российских стратегических объектов внезапный удар крылатыми ракетами представляет опасность только с северного направления.

Развитие технологий даёт неожиданные оперативно-тактические решения, например, с помощью беспилотных летательных и безэкипажных подводных аппаратов. Если возможно заподозрить с высокой степенью вероятности размещение СЯС на орбите, на воде и на земле, то в случае воздушных или подводных «беспилотников» – практически нет². Это и есть потенциальное асимметричное преимущество. Глава североамериканского командования воздушно-космической обороны США и руководство Института по исследованию российских ВМС Американского военно-морского колледжа сигнализируют о нарастающей угрозе российских атомных подводных лодок с крылатыми ракетами в Тихом океане и Атлантике (Russia Deploys ... 2023). Это говорит о том, что сигнальные цепочки работают, задача – добиться эффекта от информационного давления.

С точки зрения оборонительного реализма более эффективным является ослабление безопасности через реакцию третьих стран, что вынуждает противоположную сторону дополни-

¹ Современные технологии позволяют сделать МБР вместе с пусковой установкой в форм-факторе грузовика с 40-футовым контейнером. В 2018 г. российская сторона отказалась от развёртывания пусковой установки МБР, закамуфлированной под железнодорожный вагон-рефрижератор (БЖРК «Баргузин»), что можно было считать жестом доброй воли, хотя сам проект поставлен на паузу до 2027 г. (Московский институт теплотехники ... 2020).

² Сейчас поиски асимметричного преимущества идут в близком направлении. Россия заявила о создании стратегической ядерной торпеды «Посейдон» (ТАСС. Для подлодки ... 2023).

тельно тратить силы и средства для преодоления сопутствующих угроз, а не на прямое противостояние. Руководители программы Глобальной ядерной политики Агентства «Инициатива ядерной угрозы» задаются вопросом в связи с приостановкой участия РФ в ДСНВ-2010: не откажется ли Москва ещё и от соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия (What happens now ... 2023)? Их настораживает возможность передачи ядерных технологий в руки определённых стран, что несло бы «для США большую угрозу, чем российские СЯС». По активности контактов между РФ, с одной стороны, Северной Кореей и Ираном – с другой, можно заключить, что шаги в этом направлении на уровне МО и высшего руководства уже делаются. И даже, если речь идёт, например, об обмене российских космических технологий на помощь другого рода, это «сигнал». Поддержка Москвой Тегерана и Пхеньяна, как минимум, ослабляет их изоляцию и создаёт для Вашингтона массу проблем. Неопределённость глубины и направлений сотрудничества с геополитическими соперниками США дают возможность асимметричного давления точно в соответствии с упомянутой теорией «переговорной модели войны». Обвинения России в отходе от ДНЯО можно парировать тем, что размещение американского тактического ЯО на европейских базах не исключает его использование самолётами союзников.

Другая возможность оборонительного асимметричного преимущества появляется в случае выхода РФ из «Режима контроля ракетных технологий» (РКРТ) – неформального соглашения ряда стран, организованного в 1987 г. по инициативе США, с целью ограничения доступа к ракетным средствам доставки оружия массового поражения. Россия может отойти от добровольного ограничения. Тем более что США поставили Финляндии и Польше свои крылатые ракеты *AGM-158 JASSM*, чем создали асимметричную угрозу РФ на расстоянии «кинжального» удара. В июле 2022 г. Госдепартамент США одобрил запрос Эстонии на продажу 18 ракет *M57 ATACMS*. Формально эти поставки не нарушают РКРТ, но фактически представляют стратегическую угрозу при значительном числе ракет, учитывая близость к военной и промышленной инфраструктуре РФ.

Угроза выхода России из РКРТ создаёт теоретическую возможность облегчения доступа геополитических конкурентов США к критическим технологиям, например, для производства спутников или подводных лодок. Другим рычагом давления может выступать рассмотрение вопроса о возможности выхода РФ из санкционного режима ООН против КНДР на том основании, что санкции против самой РФ приняты в обход Совбеза ООН.

Можно сказать, что и сама история ДСНВ-2010, подошедшая к финалу, подтверждает закономерность: США видели в сокращении наступательных вооружений возможность сохранения асимметричного преимущества. Российская сторона не получила подтверждения, что приведены в состояние, непригодное для использования, части пусковых установок БРПЛ «Трайдент-II» и ядерного вооружения стратегических бомбардировщиков *B-52H*, как это предусмотрено п. 3 Раздела I Главы 3 Протокола к Договору (Заявление МИД России ... 2018)¹.

Гарантирует ли теория (сдерживания, оборонительного реализма, «переговорная модель войны»), что противоположная сторона изменит политику желаемым образом? Стратегия и США с НАТО, и РФ определяется не только ощущением угрозы, но и предположениями о том, где противник уступит и на чём будет настаивать. «Каждая из сторон знает, что другая руководствуется собственными соображениями о поведении партнёра. Окончательным исходом может стать точка, от которой, по предположению каждой из сторон, другая ни за что не отступит; и главной составляющей таких ожиданий являются предположения одной сто-

¹ Такая же непредусмотренная Договором «конверсия» произошла с шахтными пусковыми установками МБР. Они не были уничтожены, а стали «учебными». Как мы видим, паритет может и не вести к равной безопасности.

роны относительно ожиданий другой по поводу того, как поступит первая сторона, исходя из ожидания того, как поступит другая» (Шеллинг 2007: 93).

Очевидно, что США также могут искать асимметричные рычаги для сдерживания российского давления. Логично ожидать от США новые удары через глобальную экономику в первую очередь по экспортным доходам РФ. Возможен и пересмотр архитектуры стратегической стабильности, например, с использованием Украины. Это вопрос понимания США «рациональности» российских ответных действий.

Примеров разрыва с рациональностью много в недавней и новейшей истории. Казалось ли американцам рациональным поведение правительства Хо Ши Мина в войне с США? В чём-то точно нет. Можно себе представить ситуацию, когда в одних и тех же обстоятельствах поведение Польши в отношении ФРГ будет рациональным, в отношении РФ – нет. Особенно с учётом всей истории польско-российских отношений.

Восприятие угрозы «рациональным» соперником может расходиться с замыслом угрожающей стороны. В Югославии в 1999 г. миротворческие контингенты РФ и НАТО выполняли одну миротворческую миссию и не были врагами, но бросок российских десантников с целью занять аэродром «Слатино» вызвал кризис между союзниками. Главнокомандующий силами НАТО в Европе готовился помешать плану Москвы, даже используя силу (Jackson 2007: 255-275).

Но и в том случае, когда делаются недвусмысленные предупреждения, слова и действия могут расцениваться как информационное давление, обман, запугивание и блеф, хотя в следующий момент угроза приводится в исполнение. Всё это создаёт массу исключений из тезиса Д. Кеннана об эффективности сдерживания того, кто рационален и не хочет войны.

* * *

В балансе безопасности всегда учитывается суммарная комбинация наступательных и оборонительных возможностей одной и другой стороны. К договорённости и уступкам может подталкивать отрицательный баланс безопасности (или такая перспектива), а также риск нарушения баланса противоположной стороной. В «переговорной теории войны» цели (восстановление баланса) достигаются не только за счёт того, что асимметричное преимущество предьявляется де-факто, но через демонстрацию такой возможности (угрозу).

Когда взвешиваются оборонительные и наступательные асимметричные возможности, важно именно восприятие угрозы противоположной стороной. Если противник не верит в угрозу (или верит в гарантированную защищённость), то нет смысла в максимизации силы. Вслед за приостановкой участия РФ в ДСНВ-2010, размещением ЯО в Белоруссии США сделали заявление о готовности вместе с РФ разработать новую систему контроля над стратегическими вооружениями после окончания ДСНВ-2010 в 2026 г., не дожидаясь разрешения всех двусторонних разногласий (Remarks ... 2023). Но Россия, очевидно, заинтересована рассматривать контроль над СНВ, расширение НАТО, конфликт на Украине как связанные элементы национальной безопасности.

Существует и проблема избыточности угрозы. Чрезмерная реакция на неё может вести к срыву переговоров или спиральной эскалации. Эскалация угрозы и ответная реакция ведут к известной «дилемме безопасности». Однако в основе наступательного реализма лежит создание «намеренной дилеммы безопасности», как инструмента сдерживания или принуждения (Booth, Wheeler 2008). «Перезагрузка» также возможна, процесс деэскалации подробно исследован (Zartman, Aurik 1991).

Состояние баланса безопасности можно представить в виде матрицы, в которой оборо-

нительный и наступательный потенциалы – *defensive* и *offensive* со знаком плюс (преимущество) и со знаком минус (недостаток) – образуют разные сочетания преимуществ и уязвимостей, вынуждая стороны к поиску договорённостей или разрушая их. Конец гонки вооружений и предпосылки к договорённости соответствуют сочетанию «*offen+ defen*–» с каждой стороны. Иными словами наличие «технологий удара» и отсутствие «технологий защиты» означает увеличение военного потенциала без увеличения безопасности. К тому же увеличение угрозы перенапрягает экономику, а в ядерном противостоянии щитом является только возможность ответно-встречного удара.

Общественное сознание до сих пор сформировано концептом «ядерного Армагеддона», который использовался долгие годы для достижения разрядки. Разделяемый обществом страх не только влияет на внешнюю политику, но и используется ей. Уже после сокращения ядерных потенциалов на 30% по ДСНВ-2010 США выражали желание «сделать мир ещё более безопасным» и уменьшить ядерные арсеналы ещё на треть (Obama wants ... 2013), что дало бы дополнительное преимущество американской ПРО. Публичная политика западных стран, по сути, подвергла стигматизации ЯО, подведя общественные настроения к отказу от него, что давало преимущество в конвенциональной войне. По мнению отечественного исследователя Е. А. Степановой, само «определение мирного процесса как относительно линейной последовательности формальных, положенных на бумагу соглашений», по сути, идёт «вразрез с эмпирическими данными по эффективности и исходам современных мирных процессов» (Степанова 2022: 5). После «естественного» окончания ДСНВ-2010 конструкция стратегической стабильности претерпит изменения согласно собственным планам США. После 2026 г. появятся американские МБР нового поколения с неизвестными характеристиками, а программа производства крылатых ракет большой дальности¹ предусматривает производство до 2060 г. 1000-1100 новых КР воздушного базирования (Каберник 2016). Карты неизбежно будут сдаваться по-новому.

Но перспектива нового ДСНВ не может рассматриваться отдельно от других аспектов национальной безопасности РФ, в частности, от американской поддержки Украины всё новыми системами оружия (истребителями *F-16*, ракетами *ATACMS*), способными наносить удары на оперативную глубину российской территории. Американская теория «ограниченной войны» (Freedman 1994) «работала» в Северной Корее и Вьетнаме. Москва соглашалась с принципом «ограничение средств при ограничении целей», но война не угрожала ей непосредственно. Останется ли война «ограниченной» Украиной при угрозе территории РФ?

Возвращаясь к перспективам нового соглашения об ограничении стратегических потенциалов с участием других участников, можно заключить, что техническим условием «побуждения» к договору является создание асимметричных оборонительных или наступательных преимуществ (т.е. уязвимости другой стороны) как в технической области, так и в политической.

Есть и ещё одно ключевое условие результативных переговоров: стремление сторон сохранять статус-кво. Сто лет назад таковое обнаружилось при заключении Вашингтонского соглашения 1921–1922 гг. об ограничении морских вооружений² – до сих пор единственного

¹ Перспективная стратегическая крылатая ракета воздушного базирования с ядерной боевой частью по программе производства крылатых ракет большой дальности – *Long Range Stand Off (LRSO)*.

² В 1922 г. на Вашингтонской конференции был заключён Договор между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией, установивший предельные уровни наиболее мощных военных кораблей – линкоров и авианосцев. США предложили сократить их суммарное водоизмещение в следующей пропорции: по 525 тыс. т – для США и Великобритании, 315 тыс. т оставить для Японии и по 175 тыс. т для Франции и Италии, что составляло соотношение 5:5:3:1,67:1,67 (Marriott 2005).

многостороннего договора по контролю вооружений. Развитие СВО РФ на Украине говорит, что пока у Москвы и Вашингтона с Брюсселем нет ни желания, ни возможности сохранять прежнее распределение сил в европейской части мира. Поэтому любые переговоры о стратегической стабильности между РФ и Западом будут зависеть от исхода «битвы за Украину».

Список литературы / References

- Bracken, P. (2012). *The Second Nuclear Age: Strategy, Danger, and the New Power Politics*. New York: Henry Holt & Co.
- Brodie, B. (1959). *Strategy in the Missile Age*. Princeton: Princeton University Press.
- Booth, K., Wheeler N. J. (2008). *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Cartwright J. E., Dvorkin V. (2015). How to avert a nuclear war. *The New York Times*, 19.04.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/04/20/opinion/how-to-avert-a-nuclear-war.html> (accessed 17.09.2023).
- Fearon, J. D. (1995). Rationalist explanations for war. *International Organization* 49(3): 379-414.
- Freedman, L. (1994). *The Theory of Limited War*. In: Danchev, A., Keohane, D. (eds.) *International Perspectives on the Gulf Conflict, 1990–91*. London: St Antony's. Palgrave Macmillan.
- Gaddis, J. L. (2005). *The Cold War: A New History*. New York: Penguin Books.
- Jackson, M. (2007). *Solider*. London: Transworld Publishers.
- Jentleson, B. (2006). *Coercive Diplomacy: Scope and Limits in the Contemporary World*. The Stanley Foundation. Available at: <https://stanleycenter.org/publications/coercive-diplomacy-scope-and-limits-in-the-contemporary-world/> (accessed 13.10.2023).
- Joint Publication 3-72. *Nuclear Operations*. Joint Chiefs of Staff. P. III-3, V-3. 11.06.2019. Available at: https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (accessed 14.10.2023).
- Kahn, H. (1965). *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York: Praeger.
- Kissinger, H. (1960). *Limited War: Conventional or Nuclear? A Reappraisal*, *Daedalus*. *Arms Control* 4(89): 800–817.
- Liz Truss says she's «ready» to hit nuclear button if necessary. *Independent*. 24.08.2022. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/liz-truss-nuclear-button-ready-b2151614.html> (accessed 13.10.2023).
- Macron, E. (2020). *Speech on Defense and Deterrence Strategy*, *École de Guerre*. Paris. Elysee. 07.02.2020. Available at: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2020/02/07/speech-of-the-president-of-the-republic-on-the-defense-and-deterrence-strategy> (accessed 11.10.2023).
- Marriott, L. (2005). *Treaty Cruisers: The First International Warship Building Competition*. Barnsley: Pen & Sword.
- Obama wants to cut nuclear arms, seeks talks with Russia. *Reuters*. 19.06.2013. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-obama-berlin-nuclear-cut-idUSBRE95I0X420130619> (accessed 14.11.2023).
- Putin says Russians will «Go to Heaven as Martyrs' in the Event of a Nuclear War as He Would Only Use Its Atomic Arsenal in Retaliation to Incoming Missiles». *The Daily Mail*. 18.10.2018. Available at: https://www.dailymail.co.uk/news/article_6292049/Putin-says-Russians-Heaven-martyrs-event-nuclear-war.html/ (accessed 03.09.2023).
- Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan for the Arms Control Association (ACA) Annual Forum. The White House. 02.06.2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/06/02/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-for-the->

arms-control-association-aca-annual-forum/ (accessed 14.10.2023).

Russia Deploys Submarines Across Europe. Eastern Herald. 07.03.2023. Available at: <https://www.easternherald.com/2023/03/07/russia-deploys-submarines-across-europe/> (accessed 05.09.2023).

Tertrais, B. (2020). French Nuclear Deterrence Policy, Forces, and Future. In: A Handbook. Recherches & Documents (4). Paris: Fondation pour la Recherche Stratégique.

U.S. Under Secretary of State Nuland on Accelerating Aid to Ukraine and Sanctions Against Russia. Just Security. 9.03.2022. Available at: <https://www.justsecurity.org/80589/u-s-under-secretary-of-state-nuland-on-accelerating-aid-to-ukraine-and-sanctions-against-russia/> (accessed 17.09.2023).

What happens now after Russia suspends the last nuclear arms treaty with the U.S.? NPR. 22.02.2023. Available at: <https://www.npr.org/2023/02/22/1158529106/nuclear-treaty-new-start-putin> (accessed 10.11.2023).

Zartman, I. W., Aurik, J. (1991). Power Strategies in De-escalation. In: Kriesberg, L., Thorson, S.J. (eds.) (1991). Timing the De-Escalation of International Conflicts. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Актуальные задачи развития Вооружённых Сил Российской Федерации. Красная звезда. 11.10.2003. [Current tasks in the development of the armed forces of the Russian Federation. A Red Star. 11.10.2003. (in Russian).]. Available at: http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (accessed 17.07.2023).

Арбатов, А.Г. (2021). Десять апорий нашего времени: Теория и практика ядерного сдерживания // Полис. Политические исследования 4: 88–111. [Arbatov, A.G. (2021). The Ten Aporias of Our Time. The Theory and Practice of Nuclear Deterrence. Polis. Political Studies. 4: 88–111. (in Russian).]. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.08

Военная доктрина Российской Федерации. Президент России. [Military doctrine of the Russian Federation. President of Russia. (in Russian).]. Available at: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (accessed 17.10.2023).

Дворкин, В. З., Савельев, А. Г., Ознобищев, С. К. (2015). Величайшая осторожность и благоразумие // Россия в глобальной политике 4(13): 50–61. [Dvorkin, V. Z., Savel'ev, A. G., Oznobishchev, S. K. (2015). Great caution and prudence. Russia in Global Affairs 4(13): 50–61. (in Russian).].

Для подлодки «Белгород» изготовили первый боекомплект суперторпед «Посейдон». ТАСС. 16.01.2023. [The first Poseidon super torpedoes were made for the Belgorod submarine. TASS. 16.01.2023. (in Russian).]. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16805101> (accessed 07.11.2023).

Есин, В. И. (2010). Договор СНВ-3: что он значит для России? Российские эксперты о договоре СНВ-3 // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика 2: 118–121. [Esin, V. I. (2010). START-3 Treaty: what does it mean for Russia? Russian experts on the START-3 treaty. Bulletin of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics 2: 118–121. (in Russian).].

Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). МИД РФ. 21.02.2023. [Statement by the Russian Ministry of Foreign Affairs in connection with the suspension by the Russian Federation of the Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START). Ministry of Foreign Affairs. 21.02.2023. (in Russian).] Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/

1855184/?ysclid=leyo1d7gs2370407633 (accessed 10.09.2023).

Заявление МИД России. МИД РФ. 05.02.2018. [Statement by the Russian Ministry of Foreign Affairs. 05.02.2018. (in Russian).]. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1562499/ (accessed 15.11.2023).

Источник: в России разрабатывают новую крылатую ракету «Калибр-М». ТАСС. 08.01.2019. [Source: Russia is developing a new cruise missile «Caliber-M». TASS. 08.01.2019. (in Russian).]. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5979716> (accessed 07.05.2023).

Каберник, В. В. (2016). Подходы к построению системы стратегического сдерживания после 2021 г. // Вестник МГИМО-Университета 4(49): 218–234. [Kabernik, V. V. (2016). Approaches to building of global strategic deterrence system past 2021. Vestnik MGIMO-Universiteta 4(49): 218–234. (in Russian).]. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-4-49-218-234

Кокошин, А. А. (2011). Проблемы обеспечения стратегической стабильности: Теоретические и прикладные вопросы. М.: УРСС. [Kokoshin, A. A. (2011). Problems of ensuring strategic stability: Theoretical and applied issues. Moscow: URSS. (in Russian).].

Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД РФ. 31.03.2023. [The concept of foreign policy of the Russian Federation. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 31.03.2023. (in Russian).] Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed 03.09.2023).

Криволапов, О. О. (2020). Противоракетная оборона США: дискуссии и решения (2009–2019). М.: Весь Мир. [Krivolapov, O. O. (2020). US missile defense: discussions and decisions (2009–2019). Moscow: Ves' Mir. (in Russian).].

Левшин, В. И., Неделин, А. В., Сосновский, М. Е. (1999). О применении ядерного оружия для деэскалации военных действий // Военная мысль 3(5–6): 34–37. [Levshin, V. I., Nedelin, A. V., Sosnovskij, M. E. (1999). On the use of nuclear weapons for de-escalation of hostilities. Voennaya mysl' 3(5–6): 34–37. (in Russian).].

Московский институт теплотехники готов возобновить работы по «ядерному поезду» «Баргузин». ТАСС. 02.11.2020. [The Moscow Institute of Thermal Engineering is ready to resume work on the «nuclear train» Barguzin. TASS. 02.11.2020. (in Russian).]. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9890469> (accessed 09.08.2023).

Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного оружия. Указ Президента Российской Федерации. 02.06.2020. [On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of nuclear weapons. Decree of the President of the Russian Federation. 02.06.2020. (in Russian).]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (accessed 11.10.2023).

Подписан закон о приостановлении действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Президент России. 28.02.2023. [A law was signed to suspend the Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms. President of Russia. 28.02.2023. (in Russian).]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70599> (accessed 05.10.2023).

Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию. Президент России. 21.02.2023. [Address of the President to the Federal Assembly. President of Russia. 21.02.2023. (in Russian).]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/70565> (accessed 27.09.2023).

Рогов, С. М. Есин, В. И., Золотарёв, П. С. (2006). Многосторонняя система ядерного контроля и нераспространения: новые подходы к стратегической стабильности в XXI в. М.: ИСКРАН [Rogov, S. M., Esin, V. I., Zolotaryov, P. S. (2006). Multilateral system for ensuring

control and non-proliferation: new approaches to strategic stability in the 21st century. Moscow: ISKRAN. (in Russian).].

Россия и США на развилке: инициативы Обамы и реакция Москвы. РСМД. 26.07.2013. [Russia and the USA at a fork in the road: Obama's initiatives and Moscow's reaction. RIAC. 26.07.2013. (in Russian).]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-ssha-na-razvilke-initsiativy-obamy-i-reaktsiya-mos/> (accessed 17.09.2023).

Савельев, А. Г., Дворкин, В. З. и др. (2013). О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. М.: Спецкнига. [Savel'ev, A. G., Dvorkin, V. Z. and other (2013). On a multi-lateral approach to the problem of nuclear disarmament. Moscow: Speckniga. (in Russian).].

Степанова, Е. (2022). Мирный процесс: к содержательному определению // Мировая экономика и международные отношения 9(66): 5–18. [Stepanova, E. (2022). Peace process: on substantive definition. World Economy and International Relations 9(66): 5–18. (in Russian).]. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5-18

Трофименко, Г. А. (1976). США: политика, война, идеология. М.: Мысль. [Trofimenko, G. A. (1976). USA: politics, war, ideology. Moscow: Mysl'. (in Russian).].

Указ Президента РФ от 02.06.2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Президент России. [Decree of the President of the Russian Federation dated June 2, 2020 № 355 «On the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Nuclear Deterrence». President of Russia. (in Russian).]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (accessed 07.10.2023).

Указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года». Гарант. [Decree of the President of the Russian Federation of July 20, 2017 № 327 «On approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period until 2030». Garant. (in Russian).] Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71625734/> (accessed 19.10.2023).

Шеллинг, Т. (2007). Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН. [Schelling, T. (2007). The Strategy of Conflict. Moscow: IRISEN. (in Russian).].